

Тот сырой, пропитанный обидами и затхлым воздухом внутренний дворик старинного особняка в старом районе Цзянчэна, словно насильно разорванный кошмар, остался далеко позади.

Тяжелая дверь комнаты 612 с щелчком заперлась, окончательно отрезая внешний мир с его огнями, шумом и той безмолвной, потрясающей воображение церемонией дарования титула.

В комнате царил полумрак, лишь неоновые вывески небоскребов, что виднелись вдали за окном, пробивались сквозь щели жалюзи, отбрасывая на стены призрачные, хаотично движущиеся цветные полосы. В воздухе все еще витал едва уловимый запах горелых трав, оставшийся после недавнего алхимического эксперимента, но теперь к нему примешался другой — едва ощутимый, но до жути отчетливый запах крови. Это был аромат золотого, пропитанного жаром металла, присущий самой сути Небесного императора.

Цзян Янь почти волоком притащил Лу Чэня и бросил его на кровать, застеленную дорогим шелковым бельем.

Движение нельзя было назвать нежным, скорее даже грубым, но в тот момент, когда тело Лу Чэня коснулось матраса, рука Цзян Яня, придерживавшая его за спину, мгновенно сбросила напряжение, чтобы смягчить удар.

— Угх...

Лу Чэнь провалился в мягкий матрас, издав сдавленный стон, похожий на предсмертный рык зверя.

Его лицо стало белым, как мел, со лба градом катился холодный пот, стекая по напряженной линии челюсти и пропитывая воротник темно-серого боевого костюма.

Те самые золотистые глаза, в которых вечно плясали искры божественного света и насмешливые огоньки, сейчас были плотно закрыты. Длинные густые ресницы отбрасывали на веки тяжелые тени и мелко подрагивали в такт его сбивчивому, частому дыханию. Запекшаяся золотистая кровь в уголках губ в полумраке казалась зловещей.

Цзян Янь стоял у кровати, его фигура в переменчивых неоновых бликах казалась одинокой. Он опустил взгляд своих фиолетовых глаз, и этот холодный, пронзительный взор, словно скальпель, изучал каждую деталь: безжизненное лицо Лу Чэня, сведенные от боли брови, его грудную клетку, которая вздымалась лишь слегка, выдавая крайнюю степень истощения.

Душа неполна?

Разбилась при падении?

Это объяснение застряло у него в горле, словно ледяная рыбья кость.

Даже если душа при перерождении была повреждена, а фундамент пошатнулся, обладатель власти Небесного императора не должен был платить столь страшную цену за дарование титула какому-то мелкому божеству земли! Тот плевок золотой императорской кровью, то дыхание, которое на мгновение почти угасло, подобно свече на ветру... Это было чем-то куда более серьезным, чем просто разбитая душа!

Пальцы Цзян Яня непроизвольно сжались, и из них вырвалась бесконтрольная струйка темно-синего холода, отчего температура в комнате мгновенно упала.

Он заставил себя отвести взгляд и направился к небольшой импровизированной кухне в углу.

Это был прихотливый каприз Лу Чэня — тот терпеть не мог университетскую столовую и на свои деньги обустроил этот уголок, который сейчас оказался как нельзя кстати.

Не включая верхний свет, он зажег лишь тусклую лампу над плитой. Желтоватый свет выхватил его профиль.

Он молча достал чистый глиняный горшок, насыпал рис, добавил воды. Движения оставались точными и выверенными, но плотно сжатые губы и едва заметная складка между бровей выдавали бурю, скрытую за внешним спокойствием.

Горшок опустился на плиту, и беззвучно вспыхнуло синее пламя, лизнув дно. Цзян Янь не отошел, он замер, стоя спиной к кровати, и пристально наблюдал за тем, как в горшке начинают подниматься крошечные пузырьки воздуха, словно изучая сложнейшую схему массива сбора духов.

Время тянулось медленно и вязко.

Вода закипела, белые зерна риса начали свой хаотичный танец. Аромат вареного риса наполнил комнату, пытаясь вытеснить этот тревожный запах крови.

И в этот самый миг —

— М-м...

Тихий, невнятный бред, словно камень, брошенный в стоячую воду, нарушил мертвую тишину комнаты.

Тело Цзян Яня напряглось, спина вытянулась в струну.

Он не обернулся.

— ...Бэй... Инь... — голос был прерывистым, мутным, как у больного в горячке, но он отчетливо пронзил слух Цзян Яня. — Не... уходи...

В этом голосе слышалось отчаяние, мольба, страх, проникающий до самых костей... Такую хрупкость и уязвимость Цзян Янь никогда не видел на лице Лу Чэня, вечно расплывающемся в дерзкой ухмылке.

Цзян Янь резко развернулся!

Тусклый свет плиты очертил его высокий, застывший силуэт. Его фиолетовые глаза, словно молнии, впились в свернувшуюся на кровати фигуру.

Лу Чэнь все еще был без сознания, его брови были нахмурены, он блуждал в лабиринтах

мучительного сна. Его потрескавшиеся губы бессознательно шевелились, рождая невнятные звуки:

— ...Не... бросай... меня одного...

— ...Вернись...

Каждое разбитое слово вонзалось в сердце Цзян Яня, словно зазубренный крюк.

Странное, острое чувство взорвалось в груди, мгновенно разливаясь по всему телу! Оно было настолько сильным, что холод, окутывавший его пальцы, вышел из-под контроля, и с шипением влага на плите превратилась в мелкую ледяную крошку!

Он заставил себя отвернуться и снова посмотрел на кипящую кашу. В глубине его фиолетовых глаз, под ледяной гладью, бушевал настоящий шторм.

Бэй Инь...

Не уходи...

Бросить его одного?

Что за бред несет этот мерзавец?!

Они — заклятые враги, чьи судьбы переплелись в прошлой жизни и были насильно связаны в этой! Он мечтал держаться от этого источника проблем как можно дальше!

Но почему... слушая этот бессознательный лепет и глядя на его беззащитный, хрупкий, словно фарфоровая кукла, бледный облик, в сердце поднимается это проклятое волнение?

Аромат риса становился все гуще, а тихое бульканье стало единственным фоновым звуком в комнате.

Цзян Янь глубоко вздохнул, подавляя волну неприятного, досаждающего ему чувства.

С бесстрастным лицом он выключил огонь, взял ложку и начал медленно помешивать густую горячую кашу. В процессе он влил в нее едва заметную нить своей глубоко-синей энергии, которая, словно самый точный инструмент, беззвучно растворилась в рисе, мгновенно снижая обжигающий жар до комфортной температуры и бережно запирая внутри блюда всю его пользу.

Он наполнил миску и направился к кровати.

Лу Чэнь, кажется, почувствовал аромат еды и приближение человека. Его густые ресницы задрожали, и он с трудом приоткрыл глаза. Золотистые зрачки были тусклыми, полными смятения и остаточной боли, взгляд рассеянно замер на лице Цзян Яня.

— ...Цзян... Янь? — голос Лу Чэня звучал хрипло, будто скрип старых мехов.

— Ешь.

Голос Цзян Яня был холодным, как лед, лишенным малейшей теплоты. Он с грохотом поставил миску на прикроватную тумбочку. Каша всколыхнулась, но ни капли не пролилось.

Лу Чэнь попытался приподняться, но руки его были слишком слабы, и он качнулся.

Цзян Янь нахмурился еще сильнее. Почти рефлекторно он протянул руку, схватил Лу Чэня за плечо и грубо усадил его. Движение не было нежным, но оно помогло тому не упасть. Сразу после этого он отдернул руку, словно обжегся, и брезгливо стряхнул с пальцев несуществующую пыль.

— Сам ешь.

Бросив эти слова, Цзян Янь развернулся и ушел, снова встав в тени у окна. Осталась лишь его холодная, черная спина.

Лу Чэнь, привалившись к изголовью, тяжело дышал. Он смотрел на миску с дымящейся кашей, а затем на силуэт у окна, который почти сливался с темнотой. В его потускневших золотых глазах мелькнуло что-то слабое, сложное, почти неуловимое.

Он с трудом протянул руку, взял миску и начал есть — маленькими порциями, крайне медленно.

Вкус каши был пресным, но в ней чувствовалось странное тепло, которое, казалось, исцеляло разрывающую душу боль.

Следующие три дня комната 612 напоминала необитаемый остров.

Лу Чэнь больше не выходил за дверь.

Большую часть времени он проводил в забытии. Просыпаясь, он был вялым, бледным до жути, даже говорить ему стоило огромных усилий. Его дорогой боевой костюм был заменен на мягкую темно-серую шелковую пижаму, которая лишь подчеркивала его болезненную худобу. От бывшего высокомерия и беззаботности не осталось и следа, лишь пугающая, болезненная слабость.

Цзян Янь стал единственным снабженцем этого острова.

Он придерживался своего обычного расписания: лекции, библиотека, выполнение простых поручений в ресурсном центре. Но каждый раз, возвращаясь, он приносил белый термоконтейнер из университетской столовой.

В обед Лу Чэнь наблюдал, как Цзян Янь с бесстрастным лицом ставит контейнер на тумбочку. Внутри всегда была пресная рисовая каша, иногда — с мелко нарезанной зеленью. Красивое лицо Лу Чэня всякий раз кривилось.

— Эй... Цзян, отличник... — на третий день не выдержал Лу Чэнь. Его голос все еще был

хриплым, но в нем проскользнула привычная нотка жалобы. — У меня во рту уже травой поросло... Посмотри на мои страдания, может... добавишь чего-нибудь сытного? Будда прыгает через стену из элитного ресторана? Или мраморную говядину из Тайного царства облаков? Я попрошу дворецкого прислать...

Он попытался сделать максимально жалкое выражение лица своими тусклыми золотыми глазами.

В ответ он получил лишь ледяной взгляд Цзян Яня, от которого, казалось, мог треснуть воздух.

— Заткнись, — голос Цзян Яня был холоднее взгляда, словно закаленное лезвие. — Сейчас ты заслуживаешь только этого. Нравится или нет — ешь.

Он сделал паузу, глядя на выражение лица Лу Чэня, в котором читалось полное нежелание жить. В глубине фиолетовых глаз промелькнуло что-то едва заметное, чего он и сам не осознал, но тут же вновь превратилось в вечный лед.

— Еще хоть слово, — холодно добавил он, — и завтра я подмешаю в кашу кое-что из спецзаказов Юомина. Гарантирую, вкус запомнится тебе надолго.

Лу Чэнь: «...»

Он молча взял миску с теплой кашей и смиренно начал есть. Выражение его лица было таким, словно он проглатывал лезвия.

У окна Цзян Янь стоял спиной к нему, глядя на серое небо.

Неон днем терял свое очарование, оставались лишь холодные очертания стальных джунглей. На его пальцах беззвучно вилась нить синего холода. То странное чувство, оставшееся после бреда Лу Чэня, казалось, немного притупилось из-за нелепых требований этого неисправимого наглеца.

Душа неполна...

Он прищурился. В глубине его ледяного взгляда, словно подводное течение, беззвучно кружило холодное подозрение.

Что же от него скрывает этот проклятый Небесный император?

<http://bllate.org/book/18859/1839907>